

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Вор

Жил-был старик со старухой; у них был сын по имени Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят:

— Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти.

Отвечал им Иван:

— Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса.

Выкормили его до уса и говорят:

— Ну, сынок, мы кормили тебя до уса, теперь ты корми нас до самой смерти.

— Эх, батюшка, и ты, матушка, — отвечает сын, — когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды.

Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят:

— Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти.

— А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!

Тут старик не выдержал, пошёл к барину бить челом на сына.

□Призывает господин Ивана:

– Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?

– Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работать я не учился, а теперь и учиться поздно.

– А по мне как знаешь, – говорит ему барин, – хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!

Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошёл он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать:

– Эй, кто там есть? Подать босовики^[1]!

А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унёс домой.

– На, батюшка, – говорит отцу, – снимай свои лапти, обувай господские сапоги.

□Наутро хватился барин – нет сапогов; послал за Иваном:

– Ты унёс мои сапоги?

– Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело моё!

– Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?

– Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господского приказу не хотел послушаться.

– Коли так, – говорит барин, – вот тебе мой приказ: украдь у меня чёрного быка из-под плуга; уворуешь – дам тебе сто рублей, не уворуешь – влеплю сто плетей.

– Слушаю-с! – отвечает Иван.

□Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья, и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, подложил под неё петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатары вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на́ сторону; ощипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» – закричали плугатары и пустились вдогонку за петухом. Иван увидел, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увёл домой.

□Плугатары гонялись-гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: чёрного быка нет, а пёстрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; чёрного-то совсем сожрал, а пёstromу хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою:

– Помилуй, отец, бык быка съел.

– Ах вы, дурачьё безмозглое, – закричал на них барин, – ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!

Позвали.

– Ты быка украл?

– Я, барин.

– Куда же ты девал его?

– Зарезал; кожу на базар снёс, а мясом стану отца да мать кормить.

– Молодец, – говорит барин, – вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведёшь – плачу двести рублей, не уведёшь – влеплю двести плетей!

– Изволь, барин, украду.

□Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю – нет ни души, смотрит – висит на вешалке господская оде́жа; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам:

– Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу.

Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отпёрли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг всё дело исправили и подвели к крыльцу осёдланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком – только и видели!

□На другой день спрашивает барин:

– Ну, что мой любимый жеребец?

А он ещё с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном.

– Ты украл жеребца?

– Я, барин.

– Где ж он?

– Купцам продал.

– Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского^[2] наставника.

– А что, барин, за труды положишь?

– Хочешь триста рублей?

– Изволь, украду!

– А если не украдешь?

– Твоя воля; делай, что сам знаешь.

□Призвал барин наставника.

– Берегись, – говорит, – стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется.

Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришёл Иван-вор с рогозиным^[3] кошелём и стучится в окно.

– Кто ты, человече?

– Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель.

Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понёс на колокольню. Тащил-тащил.

– Скоро ли? – спрашивает наставник.

– А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива.

□Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки!

– Ох, – говорит, – правду сказывал ангел: передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!

– Терпи, спасён будешь! – отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиной в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдёт да не ударит по кошелю три раза – да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо, – непременно стегнёт три раза. Идёт барин:

– Что за кошель висит?

Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник.

– Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не

жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя
триста рублей даром пропали!

[1] – Башмаки (туфли), надеваемые на босую ногу.

[2] – Раскольниковый.

[3] – Из рогожи (Ред.).

     (Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

 Загрузка...